

Археологические вести

— 28 —

Archaeological news

28
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

28
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 28** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 463 с.: ил.

Очередной специальный номер журнала «Археологические вести» посвящен памяти Евгения Николаевича Носова — крупного ученого в области средневековой археологии и истории Северной Руси и Балтийского региона. В мемориальной части рассматривается его научный и научно-организационный вклад в развитие отечественной археологии. В одном из разделов собраны работы по теме древнего Новгорода. В другом — обсуждается широкий круг вопросов и проблем, связанных со средневековыми памятниками Восточной Европы. Отдельно выделены статьи по истории, архитектуре и этнографии. Среди авторов журнала — исследователи из различных центров России, Франции, Великобритании и Ирландии.

This special yearbook of “Archaeological News” is dedicated to the memory of Evgeniy Nikolayevich Nosov — a prominent scholar in mediaeval archaeology, the history of Northern Rus' and the Baltic region. In the memorial section of this collection, his scientific and organizational contribution to the national archaeology is considered. In one of the sections, the works on the early Novgorod are presented. In the other, a wide circle of questions and problems concerned with mediaeval sites of Eastern Europe is discussed. A particular section includes articles on history, architecture and ethnography. The authors are represented by researchers from different centres of Russia, France, Great Britain and Ireland.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — Древнерусское кольцо (золото). Рюриково городище, раскопки 1985 г.
First page of cover — Old Russian ring (gold). Rurik gorodishche, excavations in 1985

Четвертая страница обложки — Общий вид на Рюриково городище во время весеннего паводка
Fourth page of cover — General view of Rurik gorodishche during a flood

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

Мое Рюриково городище (воспоминания о сезоне 1977 г.)

Н. И. Платонова¹

Аннотация. Статья посвящена воспоминанию об одном из первых полевых сезонов на Рюриковом городище.

Annotation. This paper is devoted to reminiscences about one of the first field seasons at Ryurik Gorodishche.

Ключевые слова: Рюриково городище, Евгений Николаевич Носов.

Keywords: Ryurik Gorodishche, Evgeniy Nikolaevich Nosov.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-32-36

В июне 1977 г. я достаточно неожиданно (как сейчас говорят, спонтанно) собралась и уехала на Рюриково. Вышло это вроде бы случайно. Но умные люди знают: ничего случайного нет.

В том году я окончила четвертый курс кафедры археологии ЛГУ. Золотое время: ощущаешь себя без пяти минут «настоящим» профессионалом, а студенческая свобода и беззаботность еще никуда не делись. «И счастье казалось вечным...»

Я воображала себя созревшей для самостоятельных работ, собиралась в разведку по Псковской области, которую планировал мой научный руководитель Глеб Лебедев. Но предприятие сорвалось в последний момент: с проектами моего руководителя такое случалось нередко. Сам он относился к своим организационным провалам философски — всегда выискивал в случившемся некий высший смысл. Не помню, была ли я все-таки огорчена в тот раз? Кажется, не очень: успела привыкнуть... Вот тут-то незабвенная Людмила Степановна Кухарева, старшая лаборантка нашей кафедры, и сообщила мне, что Женя Носов только что вернулся из разведки по Приильменью. Он должен вот-вот уехать на Рюриково... Мобильников тогда еще не изобрели, надо было непременно заставить его дома. Я успела.

Помню солнечный свет, щедро льющийся в окно кафедры, и очень «неформальный», веселый

разговор по телефону. Меня интересовал вопрос: примут ли в лагере на Рюриковом еще одного археолога, оказавшегося вдруг абсолютно свободным на целые две недели? Ответ был: да! Место найдется. Экспедиция уже работает. Сам он уезжает сегодня... Через день я в половине седьмого утра явилась с рюкзаком на автовокзал.

Конечно, «случайность» была не случайной. В составе Новгородского областного отряда, руководимого Е. Н. Носовым (тогда аспирантом), я поработала еще в 1976 г. На мощном ГАЗ-66 мы колесили по лесной и озерной глухомани Боровичского и Любытинского районов Новгородчины. Именно тогда были открыты грунтовые погребения на могильнике культуры длинных курганов у оз. Съезжее. Теперь это эталонный памятник, имеющий европейскую известность. А тогда все было впереди.

Я очень тщеславилась тем, что нашла этот памятник первая! Хотя, конечно, честь открытия всецело принадлежала исследователю, который привел двух едва оперившихся птенцов-студентов — меня и Сашу Пасхина — в нужное место, одному ему известное, неопределенно ткнул пальцем в обочину песчаной лесной дороги и сказал: «Грунтовый могильник есть тут точно. Ищите...»

Помню, мы взяли за дело рьяно. Но ничего, кроме рассеянных в песке редких кальцинированных косточек, нам не попадалось. Через несколько часов совершенно бесплодных поисков я, усталая и разочарованная, побрела в лес и,

¹ Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия.

пройдя метров 20, встала как вкопанная. Прямо под ногами на тропинке чернело углистое пятнышко. В самой его середке лежал обломок лепного горшка... На мой дикий вопль примчался напарник, Саша, с большой лопатой. Дальнейшее было делом техники. Открытие совершилось.

Последним деянием разведки 1976 г. стали зачистки обреза берега Сиверсова канала в районе Рюрикова городища. В них я уже не участвовала. Слегка опоздать на занятия из экспедиции в те годы считалось на кафедре хорошим тоном. Но особо наглеть все же не рекомендовалось. Поэтому в начале сентября Женя отправил меня в Ленинград. Но о результатах изысканий на Рюриковом я, конечно, узнала тут же, из первых рук. На памятнике достоверно обнаружили участки «мокрого» слоя с органикой, погребенные под толщей выброса Сиверсова канала. Было понятно: грядет новое открытие.

Сейчас, оглядываясь назад, я больше всего удивляюсь отсутствию всякой патетики по этому поводу. Происходящее казалось нам, птенцам, в порядке вещей. По сути, мы так и жили — от открытия к открытию. В 1970-х гг. отечественная древнерусская археология переживала информационный взрыв и переворот в подходах. Совсем недавно, практически на наших глазах, совершилось открытие Гнёздовского поселения, затем Тимерёвского. И уже не просто на глазах, а с прямым нашим участием радикально пересматривались представления о культурах второй половины I тысячелетия на Северо-Западе. Теперь подходила очередь древнейшего Новгорода... Всё как положено!

Подлинное открытие Новгородского Городища «созревало» более полувека. В XX в. там кто только ни работал — Н. К. Рерих, А. В. Арциховский, М. К. Каргер... Блестящие имена! Памятник регулярно осматривали археологи из Новгородского музея и экспедиции МГУ в связи со множеством находок, ежегодно вымываемых половодьем. И неизменно поселение признавалось источниковедчески ущербным, его культурный слой — переотложенным. Хронологически он определялся как средневековый, причем не слишком ранний. Сюрпризов от этого памятника никто не ждал. Пока некий аспирант из ЛОИА не дерзнул нарушить вековую традицию, поставив под сомнение то, в чем никто не сомневался. Он стал целенаправленно искать древнейшие отложения — и нашел их.

Сезон 1977 г. должен был стать решающим. Наш шеф как раз той весной получил приставку «кандидат», перейдя, таким образом, в более сановитую категорию отечественных ученых. Планировались уже не разведочные, а стационарные раскопочные работы на Городище. Исследование «мокрого» слоя с остатками деревянных конструкций могло радикально перевернуть тогдашние представления о хронологии и происхождении Новгорода. Но никто не гарантирован от неудач. Вместо построек с желанными дендродатумами, в нижних слоях на этом участке вполне могли оказаться лишь щепка да навоз...

Приличной дороги на Рюриково тогда еще не было. Можно сказать, не было никакой дороги. Круговая, тянувшаяся километров 15, представляла собой жуткий, раздолбанный проселок. Проехать по нему без ущерба для себя мог разве что наш ГАЗ-66. Приехав в Новгород на автовокзал, я, следуя полученным ранее указаниям, направила стопы к набережной Волхова. В ту пору по реке раз 5–6 на дню курсировали парходики — не экскурсионные, как сейчас, а обыкновенные, пассажирские. Можно было сесть у Кремля и через 10–15 минут оказаться на пристани Городища. А парходик плыл дальше — в Перынь. Он двигался медленно, как-то неуклюже, чем заслужил у нас не самое почетное прозвище «Точило». Хорошо помню возгласы остроумцев в конце сезона, когда Жене приходилось то и дело отлучаться из лагеря в Новгород по разным организационным делам: «Точило плывет!.. Начальник едет!.. Пошли все на работу!» Впрочем, говорилось это в шутку. Парходик был колоритнейшей деталью Волховского пейзажа. А работал наш народ добросовестно — гнать на раскоп силой не приходилось никого. Просто в те предотъездные дни в лагере царил суеда, и привычный ритм работы уже сбился.

Теперь, когда мне случается бывать в Новгороде, я невольно ищущу глазами: а где парходик, наша речная лошадка? Очень жаль, что его больше нет.

В июне 1977 г. на Городище работали человек восемь или девять. В основном, девушки — студентки самых разных ленинградских вузов. Из археологов, кроме меня, была поначалу только первокурсница Таня Дорофеева. Там она превратилась в Таньчу, потому что Тань в июньском коллективе оказалось четыре. Надо было как-то их различать. Так и осталась Таньчей... Мужскую часть экспедиции на первых порах достойно пред-

ставляли сам начальник Е. Н. Носов и его двоюродный брат Димка — школьник лет тринадцати. Ну, и еще шофер Василий Иванович Голощапов — фигура эпическая, памятная многим начальникам экспедиций... Вот в таком мощном составе мы приступили к делу — стали заново открывать миру Рюриково городище.

Жили в тот год удивительно дружно. Душевно. В моей жизни это одна из лучших экспедиций. Раскоп тянулся узкой полосой вдоль Сиверсова канала. Поначалу мы расчистили из-под осыпи небольшой участок в полторы-две линии квадратов — пресловутый мокрый слой со щепой, который неукопительно перетирался в руках. Работали на совесть. Помню, как шеф радовался, что количество найденных бисерин у нас выше обычного: «Значит, хорошо копаем, внимательно!» До промывки слоя дело не доходило. Тогда этого не было нигде, даже в крупных экспедициях с очень большим бюджетом.

Отработанный культурный слой требовалось на носилках относить наверх. Высота обрыва — метра 3–4, а тропка крута. Девушки без звука таскали грузы, но особенно доставалось все-таки мальчишке — брату начальника. Его постоянно звали в пару на вынос. Однажды он дошел до иступления и закричал: «Ну, я же человек!..» Убежал с раскопа в палатку и мгновенно заснул там. Будить его, разумеется, никто не пошел. Все рассказывали об этом случае с умилением.

Зато после «рабочего часа» — 50 рабочих минут — можно было кинуться в Сиверсов канал, и сильное течение несло тебя к Волхову, смывая пыль и усталость. Июнь 1977-го выдался на диво теплым, вода в реке успела прогреться. Через 10 минут мы возвращались на раскоп совершенно обновленные. Даже извечная беда Рюрикова городища — злобное комарье — как-то мало нам досаждало. Через пару дней приходила «адаптация» к этой нечисти.

На первых порах начальник поставил меня за входом. Хозяйство было нехитрое — одноконфорочная газовая плитка для готовки еды (баллоны регулярно привозил из города Василий Иванович), костер — для котла с вечерним чаем и общих посиделок. Обедали за большим самодельным дощатым столом, традиционным в экспедициях. На нем же Таньча, впервые приставленная в том году к камералке, раскладывала находки и дивным, бисерным, микроскопически-разборчивым почерком писала этикетки.

Никакой стратификации при таком составе экспедиции быть не могло — у костра регулярно собирались все. Девочки неплохо пели. В их исполнении я впервые услышала песни Александра Дольского «Сентябрь. Дожди» и «Мне звезда упала на ладошку». С тех пор уж я их не забывала, а Дольский стал одним из любимых моих бардов... Сидя у огонька, мы рукодельничали: из однообразных полосатых речных раковин нанизывали бусы. Пожалуй, подлинного совершенства в этом деле достигла одна Таньча. У меня долго хранилась нитка ее бус, которые я летом с удовольствием носила... Но, конечно, самое главное у экспедиционного костра — это общение. Неторопливая спокойная беседа со всеми обо всем.

Помню, как завидовали нам практиканты московской «большой» экспедиции, которых иногда привозили к нам по вечерам коллеги-москвичи. Этих практикантов было очень много, они плохо знали друг друга, а с руководителями общались только на работе. Жили они в городе, в основном по школам, вполне благоустроено. Но перспектива посидеть у костра узким кружком за чашкой чая или глинтвейна, ведя неторопливую беседу с «самим» шефом экспедиции, — вот это воспринималось ими как самая невозможная, удивительная романтика.

С глинтвейном особый сюжет. Помню, однажды я забеспокоилась, что живем мы как-то скучновато. Надо устроить праздник, а какой праздник без возлияния, хотя бы легкого? На Рюриковом мы жили, как на острове. В Юрьево, на противоположном берегу Волхова, кипела жизнь, а здесь не было ни транспорта, ни дороги, ни даже деревенской лавчонки. С этой проблемой я отправилась к шефу, он выслушал и сказал раздельно: «Ну, разве такая инициатива исходит от начальства? Организуй...»

Мне были выданы некие скромные средства (мы вообще жили скромно, хотя, помнится, на кормежку никто не жаловался), и я отправилась «организовывать». Спустившись к реке, помахала рукой какой-то случайной моторке, и добрые люди перевезли меня через Волхов. В Юрьевом монастыре (тогда еще «бывшем») я нашла лавчонку, где продавалось дешевое арабское вино (другого в окрестностях не было). И, очень довольная, тем же путем вернулась в лагерь с покупками.

Вечером мы на костре сварили глинтвейн. Пряностей в лагере не нашлось, зато сахара предостаточно. Еще была половинка лимона,

привезенная мною из Ленинграда. Глинтвейн понравился всем. По консистенции он походил на компот, но ощущение праздника, действительно, присутствовало. Чаши вздымались, и произносились тосты — самые цветистые и прочувствованные. А разве это не главное?

Воскресенье было у нас баннным днем и единственным выходным. Всем составом экспедиция отправлялась на пароходике в Новгород — отдыхать и мыться в бане. Оттуда наша дамская компания неизменно следовала в ресторан «Детинец», который недаром славился своей медовухой и медовым квасом. Рецепты этих дивных напитков сохранялись в советские времена во всей неприкосновенности. Пообедать в «Детинце» раз в неделю было, кстати, вполне по карману даже нам, бедным студентам. К концу посиделки неизменно вставал сакраментальный вопрос: задержаться нам в Новгороде или бежать к последнему пароходу, который отплывал от Кремлевской набережной около 5 часов дня? Очень хотелось задержаться, погулять по городу, но опоздавшим грозило путешествие в 15 км пешком по непролазной грязи. Поэтому довод: «Пошли, а то о нас будут волноваться...» неизменно пересиливал. После медовухи траектория движения к пристани бывала не слишком ровной, но рациональное мышление не отключалось ни разу.

Путь в 15 км пешком группа участников экспедиции проделала в 1977 г. только однажды, во главе с самим начальником. Сейчас мне уже не вспомнить, почему так случилось: то ли была неисправна экспедиционная машина, то ли они случайно опоздали к пароходу, а никакой телефонной связи с Василием Ивановичем, разумеется, не было. Но факт остается фактом: на пристань к нам никто не сошел. Беспокоиться особо не стали — ведь с ними был шеф. Через несколько часов со стороны проселка донеслось громкое нестройное пение какого-то марша. Вскоре нашим глазам предстала вереница путников — усталых, но, несомненно, счастливых. Впереди топал Димка, за ним сам шеф. Оба были босые, в штанах, закатанных до колена. Ноги совершенно черные. Глаза гордо сверкали... Это было незабываемое зрелище!

Нашему бодрому настроению изрядно способствовали успехи на рабочем фронте. На раскопе в культурном слое почти сразу выявилась конструкция — обводка из тонких бревнышек, а в ней — остатки обожженной глины и колышки.

Позже выяснилось, что это хлебная печь. Вот печь-то и дала первую дендродату, порядка 907–911 г. Это притом, что в городском слое Новгорода самыми ранними остаются напластования 930-х гг...

Когда дерево было зачищено и стратиграфия стала хорошо видна, из Новгорода и Новгородской экспедиции МГУ к нам стали приезжать коллеги — смотреть, обсуждать. Приезжали великие — В. Л. Янин и Б. А. Колчин, приезжала тогдашняя археологическая молодежь — Пётр Алешковский, Пётр Гайдуков и другие достойные люди... Все смотрели, удивлялись, обсуждали, но по существу возразить было нечего: ранний слой на Городище стал свершившимся фактом. Остальное — частности.

Чертить первый разрез раскопа 1977 г. с этой самой печной конструкцией выпало мне. Опыт у меня к тому времени был уже приличный, я считала себя спецом в этом деле. Но то, что произошло тогда на раскопе, врезалось в память навек. Когда по привычке я начала расчерчивать стенку и замерять разные мелкие прослойки, Женя просто взял меня за руку и отвел метра на три в сторону. «Не торопись! — сказал он. — Сядь тут и смотри. И постарайся понять разрез. Логику ищи, логику! Пока не поймешь, ничего не мерь и не рисуй... Поняла?»

Я поняла. И никогда не забывала этой науки, работая уже самостоятельно, на своих памятниках. А уж как пригодился мне Женин совет четверть века спустя, на многометровых разрезах Волковской стоянки в Костёнках!

Раскопки Рюрикова городища велись потом много лет, причем удалось выяснить, что там имеются слои более ранние, чем начало X в. И укрепления обнаружили — правда, весьма нестандартные. В 1977 г. мы ничего этого еще не знали. Но самое главное совершилось тогда. Произошел переворот в представлениях о Новгороде и его генезисе. Мы прекрасно понимали это и гордились своей причастностью к открытию.

В тот год я дважды уезжала с Городища — были договоренности, которые не хотелось нарушать. И дважды неизменно возвращалась туда. Заканчивала сезон на Рюриковом в конце августа. К этому времени в экспедиции стало заметно больше народу. Приехала Татьяна Шитова, будущая Сениченкова, в том году как раз окончившая университет. Раньше мы с ней знали друг друга только по докладам на Славяно-варяжском

семинаре, а тут вдруг сдружились по-настоящему, на всю оставшуюся жизнь.

Шеф потом частенько вспоминал, как мы с Таней ночью пилили на раскопе толстенное дубовое бревно. Решили сделать себе спил на память. Зачем — толком сами не знали. Идея принадлежала Тане. Сегодня она уверяет, что вначале я сомневалась, сумеем ли мы отпилить мореный дуб вдвоем. Ей же, воспитанной «шефом Петренко» и отработавшей с ним в Ладоге четыре феерических сезона, Волхов был по колено и никакой дуб не страшен. Убедила...

Бревно торчало из стенки косо, пилить его было несподручно. Стояли последние дни августа, уже начались холода, а на квадратах пошел серый скучный «предматерик», который мог бы показаться стерильным, не будь в нем массы обрывков пеньковых веревок... Много позже выяснилось, что слой этот на деле никакой не предматерик, а заполнение огромного рва (частично материковое). Но в 1977 г. о существовании на Городище засыпанного рва никто не подозревал. Поражались только обилию веревок, якобы втоптаных в предматериковый слой. Мы складывали их на квадратах большими кучами. Такая тупая работа, видимо, способствует рождению экстравагантных проектов.

Часа два, если не больше, мы с Таней упорно пилили — дзинь-дзинь. На нашего начальника, вышедшего в сумерки из палатки прогуляться, эти звуки произвели неизгладимое впечатление. Об «отпиле дубового бревна» он поминал нам всю жизнь. Оно фигурировало даже в его дарственных надписях на книгах, стоящих теперь у меня на полке... А тогда мы своего добились! Тяжеленный спил уехал с нами в Ленинград.

Конечно, никаких предметов прикладного искусства, которые грезились нам тогда в рюриковском тумане, из этого уникального дерева не вышло. Никто не знал даже, как к нему подступиться. Но упорная Татьяна увезла драгоценный дуб к себе на дачу и хранила его в кладовке 43 года, так и не позволив никому вынести эту совершенно ненужную, объемную вещь на помойку.

Второму спилу того же бревна, который сделали в 1977 г., по указанию Жени, для дендрохронологического анализа, повезло куда меньше. В то время «дубовой» дендрохронологической шкалы Северо-Запада не существовало, и никто еще всерьез не задумывался об ее создании. Помню, Женя с большим сожалением рассказывал мне, что в работу этот спил не пошел. Хранить его, как водится, оказалось негде и некому... Когда через 40 лет рюриковского дуба хватились, выяснилось, что он бесследно исчез. Зато наш с Таней спил оказался востребован. Сейчас он находится в Новгороде, в лаборатории дендрохронологии... Поучительная история, и со счастливым концом! Так что пилите, господа, пилите! Труды даром не пропадут, было бы терпение и упорство!

С той поры в Волхове утекло немало воды. Сменилась эпоха! Переменились и мы сами, и мир вокруг нас. На Городище давно проложены туристские тропы. Грязный проселок превратился в асфальтовое шоссе. В центре памятника ныне водружен «Княжий камень» с надписью; руины церкви Благовещения трансформировались в благоустроенное музейное помещение... А в Новгородской областной экспедиции ИИМК, работающей на Рюриковом, нет уже нашего незабвенного шефа, успевшего стать за эти 40 лет крупнейшим ученым, член-кором, директором и прочая, и прочая...

Но странно: все, что происходило с нами в тот удивительный год, на редкость прочно засело в памяти. Я частенько ловлю себя на мысли, что помню Новгород именно таким, каким он был в 1977 г. И Рюриково помню — таким, как тогда. И шеф в этих воспоминаниях живой. Вот он выходит из палатки, молодой и энергичный, шагает по полю, среди высокой травы, еще не прочерченной туристскими дорожками... Да можно ли представить себе Рюриково без шефа?!

Наверное, так отпечатывается в сознании все по-настоящему важное и значительное. Как иная реальность — ключевая, самая настоящая, не подлежащая забвению. Та, что пребудет с тобою вовек.